

КРОКОДИЛ

Р 556
15

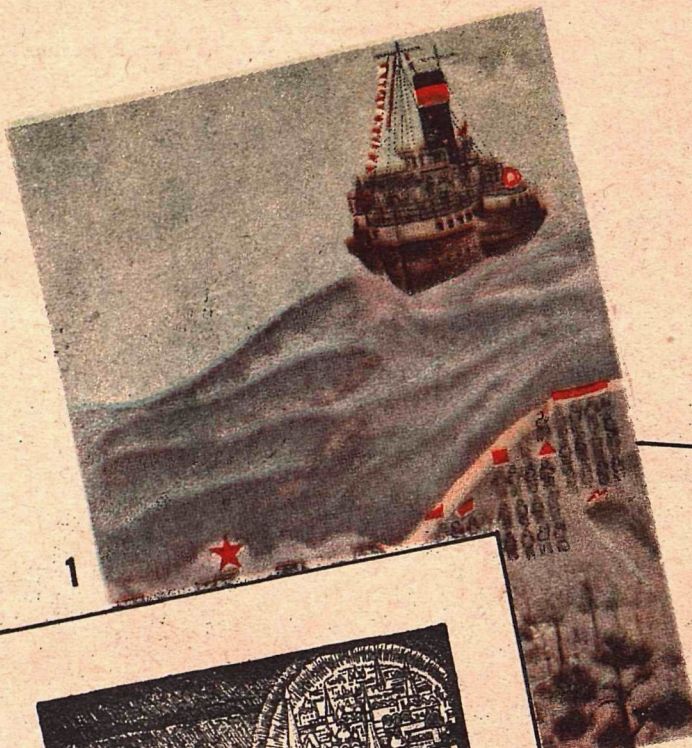
СЕКРЕТАРЬ
РАЙОННОГО
КОМИТЕТА
В.К.П.(б)

ГРУСТНАЯ ТАЙНА

— Ну хорошо: за зажим самокритики выругали меня в газетах, за использование служебного положения дали выговор с предупреждением, за срыв плана сняли с работы, но за что же у меня отняли партбилет, — решительно не понимаю...

РИСУНКОМ

Крокодил и его художники хотели бы сказать, что они против дикого формализма в иллюстрациях к детской книге. И даже против не вполне дикого, а обычного. И против реакционной графической наисладчайшей папки довоенной выработки тоже.

1

2

3

и доктору —
лучше
яб даю: лечит пошлой,
пусть меня научит

Дети
я
где зам
я приеду
я приеду
„Здравствуй
Кто у вас б
Как живете?
Как живете?”

4

К Маше пришли в гости девочки пить чай.
Маша была хозяйка и села за чайный стол
угощать гостей. Но хозяйка была мала. Она взяла
чайник — ручка была горяча. Маша уронила из рук
чайник и разбила его, а себя и других обожгла.

6

Воробышек прыскал
И коровой замычал:
Маууу!

Прибежал медведь
И давал реветь:
Нунареку!

5

7

1. Пароход-воздеход, изобретенный художницей Т. Звонаревой, иллюстрировавшей книжку Л. Кассила „Сказка об Алешке-Рязань“. Как видит юный читатель, звонаревский пароход легко и беззаботно ходит по горам, не обращая даже внимания на мелких рыб, лихо скачущих по уступам. Внизу — безрадостное сооружение из оловянных человечков и разрозненных частей игры „Конструктор“. Все вместе что-то изображает. 2. Редкий случай из хроники происшествий. Молодой человек африканского происхождения встретил незнакомую девушку, завернутую в газеты, и задумался, стоя на коленях. Причина его мучительного раздумья: может ли такой рисунок считаться украшением для детского издания сказок Пушкина. Гравировали на дереве В. Конащевич, М. Орлов, С. Мочалов и Н. Фан-дер-Флит. Что называется — у семи художников рисунок без смысла. 3. Колониальная картина художника Г. Ечистова из книжки А. Барто „Братишки“, изображающая, по видимому, быков на вертеле и чрезвычайную грусть надсмотрщика по этому поводу. 4. Доктор, носящий сам себя в клетке. Феномен, открытый художником Шифринным во время иллюстрирования книжки В. Маяковского „Кем быть“. Прочитав прекрасные стихи Маяковского, юный читатель сразу отвечает на этот волнующий вопрос: „Кем угодно, только не иллюстратором“. 5. Портативный медведь с петушиным хвостом и гребешком спецвыработки художника Васнецова. Любителями формализма хвост может рассматриваться как огонь и наоборот. Вдумчивому ребенку такой рисунок намекает на некоторые недочеты в мире животных и наталкивает на мысль, почему у верблюдов нет крыльев, а у индюшек — пропеллера. Другим целям упомянутый многогранный медведь служить не может и временно исполняет обязанности иллюстрации к книжке К. Чуковского „Путаница“. 6. Этикетка с шоколадных плиток „Жорж Борман“ и „Сиу и К.“, пережившая 18 лет революции и выплывшая в качестве иллюстраций к книжке „Л. Толстой для самых маленьких“. Удачно реставрирована Э. Лиснером. При обратной переключке на шоколадные плитки задержит массовое распространение этого питательного и вкусного аэщества ввиду повышения культурных запросов населения. 7. „Сказка о рыбаке и рыбке“. Захватывающий момент: пещерный человек, алчно схватив три свежих рыбы, идет убивать их не то в оwin, не то в венок на гроб. Сверху — случайно выпавшая из дождевых туч комбинация силосной башни и не функционирующего сельского храма. Горе родителей не поддается описанию. Работа монолитных граверов: В. Конащевича, М. Орлова, С. Мочалова и Н. Фан-дер-Флит.

ПО РЕБЕНКУ

Рис. К. Ротова

Немного ниже, на левой странице, читатель найдет точное воспроизведение иллюстраций из детских книжек издания последних лет, сопровождаемых нашими послыными комментариями.

Читатель увидит эти иллюстрации так, как они есть.

А вот конкретные предложения художников Крокодила формалистам и халтурным лакировщикам. Почему, например, не взять книжку «Валенки в спальне» и не нарисовать на обложке дверной ключ и дверную ручку? «Мама, мама,—спросит оробевший юный читатель,—а зачем дверной ключ к валенкам? Разве они отпираются?» «Не знаю»,—ответит мама и будет права. И никакая мама этого не знает. И детгизова мама и художникова мама. И даже сам художник не знает. Но все находили, что это очень эффектно и вообще—вклад.

А вот сукообразные человечки из неизвестного еще сырья, напоминающие сон ревматика в сырую погоду. Как уютно поместились они на обложке опуса «Путешествие Наума в страну изюма». И не только поместились, а сколько лет никак не уступали места на обложках детских книг более грамотно сделанным человечкам. Очень упорные фигурки.

А вот свежесмытый и разбитый умывальный таз, осколки которого так много говорят душе ребенка, неосторожно взявшего в руки эффектную книжку «Слоник на подоконнике». Какая ширь! Какой простор! А сколько таких разбитых тазов и иной домашней посуды заменяло нормальные рисунки на обложках детских книг!

А вот девочка из часто встречавшихся нам книжек под различными названиями: «Мочалка-смекалка», «Мамочка в рамочке» или «Гадина-шоколадина». Сколько экспрессии в ее личике, напоминающем в анфас голландскую вдову в день церковного праздника. А как эффектно заяц и курица и их ближайшие родственники—куриные яйца, добросовестно снабженные бантиками. О, сколько лет они—зайцы с бантиками—улаждали взоры доверенной выработки со страниц сытинских нравоучительных книжек. И как они назойливо пытаются пролезть в библиотеку советского ребенка. Кыш, кыш, вы, куры с бантами! Кыш, вы, паточные иллюстраторы! Все.

БЫСТРОЕ ПРОХОЖДЕНИЕ КУРСА

При разгроме студенческого движения в Бейпинском университете были применены кровавые репрессии

Рис. Л. Бродаты

— Ну, как с университетом? Кончили?
— Почти, господин начальник. Четвертый курс готов, принимаемся за пятый.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ*

Скоро исполнится пятнадцать лет со дня смерти Учителя. Эта дата вряд ли будет кем-нибудь отмечена: Хулио Хуренито еще не признан человечеством, и ревнители прогресса ограничиваются празднованием сорокалетия кинематографии. Что же, на помощь моему слабому перу придет время: мне сорок пять лет, и я начинаю уповать на потомков.

Недавно на литературном диспуте один из наших критиков бодро воскликнул:

— Почему не перековался такой Хуренито? Теперь вторая пятилетка, и он мог бы стать ударником!

Спокойно я объяснил собравшимся:

— Вы можете перековырять Илью Эренбурга. Что касается Хулио Хуренито, то он неспособен перековаться, хотя бы потому, что он погиб из-за сапог 12 марта 1921 года.

Я свято храню память об Учителе и об его учениках. Да и как забыть мне виа Паскулина, где дорогой Эрколи, предвосхищая речи Дуче, облачал престарелую англичанку или канцелярию комиссариата, где г. Дэле, обезумев, хотел вцепиться в икры вдохновенного Айши?

Три года назад я хотел было создать слет бывших учеников Хуренито. Я долго колебался в выборе места: Копенгаген и Женева равно меня соблазняли. Однако большинство друзей оказалось перегруженным срочными делами: мистер Куль, пережив «черную пятницу», готовился к самоубийству; Шмидт был занят испытанием различных горючих веществ. (Я не подозревал тогда, что, начав свой жизненный путь с уничтожения цветов в общественном парке Штутгарта, он решил поджечь одно из наиболее пышных зданий Берлина). Что касается Алексея Спиридоновича, то, находясь в Парагвае, он прислал мне следующее письмо:

«Дорогой Брат!

Как я хотел бы попасть на вселенский собор хуренинцев! Прости, что я говорю «собор»: я привык называть вещи их именами. Правда, я боюсь, что за этим скрывается тень Коминтерна или домкома, так как мне сообщили, что ты окончательно продан врагам Духа. Вчера я разговаривал с Бенедиктовым. Он из Пензы, помощник присяжного поверенного. Здесь он пробовал что-то разводить, но не вышло, теперь он чистит сапоги парагвайским хамам и читает «Столп и утверждение истины».

Я не читал твоих книг. Разве это могучий тургеневский язык? Да и вообще мне не до чтения. Приходится вытаскивать из ягодиц сеньора Гонсалеса какие-то пики. Ты не знаешь что это? Насекомые. Только подумать, что я когда-то мечтал о святой Софии!.. Водка здесь отвратительная. Нельзя даже крикнуть: «Голубушка, Татьяна Гаудеамус!» Я хотел бы спросить мошенника Дэле: неужели он забыл, как я сражался за культуру? Теперь он, наверно, потчует обедами тебя. А я должен возгнаться с этими гнусными пиками. Они кусаются как крысы! Я читал, что большевики продали в Америку Кремль, могилу Даниила Заточника и еще что-то. Значит, денег у тебя сколько угодно, и я прошу тебя во имя нашей колыбели, во имя тех часов, когда мы вместе рыдали перед Ним — хотя я его тоже ненавижу: он сапоги поставил выше моей Голгофы — вышли мне тыщонку пезо, только аргентинских: парагвайские ни черта не стоят. О как я низко пал, мой Брат! Я хотел бы приехать на ваш собор, чтобы покаяться. Но Бенедиктов обещал мне устроить аудиенцию у второго секретаря президента парагвайской республики. Я готовлюсь к этому решительному часу. Я швырну им всю правду в лицо: «Зачем вы воюете с Боливией? Вспомните про Льва Толстого! Вы заставляете человека, который знает наизусть всего Бальмонта и даже «Грядущего хама», Д. С. Мережковского, вынимать пики из частей грязного душою

Гонсалеса. Я презираю небоскребы! У нас был Ферапонтов монастырь!» Да, я предложу президенту немедленно учредить Вольную религиозно-философскую академию для обслуживания насущных нужд Парагвая.

Я много страдал, и мне много простится! Страшно вспомнить те месяцы, когда я был шофером в Париже. Сидеть у руля и гудеть, когда на каждом шагу встает все тот же проклятый вопрос: да есть ли вообще человек? Может быть, это только фикция? Неужели важно, что я задавил какого-то лавочника? Конечно, убийство — страшный грех. Но я не Раскольников, я Алеша. Даже давя, я помнил о старце Зосиме. Я ответил следователю словами нашего великого поэта: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» Но они ничего не понимают: ни Пушкина, ни Клары Милич, ни меня!

Я вспоминаю незабвенный Елец, как я с Пукловым впервые пошел в вертеп. Я там пал... Ее звали Соня, как Мармеладову. О святые слезы! Я люблю наш край долготерпенья, и, верь мне, даже накануне отъезда сюда я еще раз попробовал спасти Россию. Сашка приставал с японцами. Но я сразу понял, что эти макаки надуют: у них нет Дмитрия, чтобы крикнуть присяжным: «Сарки-бернарки!» Сашка уверял, будто генерал Араки — наш брат-русак, даже христосуется с яичком. Но вот Чижов поехал туда, и что же? Во-первых, недодали 40 долларов, потом, заставили маршировать, хотя у него со времени принудительной чистки снега астма на нервной подкладке, а в итоге он застрелил Тоню, племянницу дьячка Богородского. Вроде меня в Елизаветграде, когда Куль подписал указ и дал мне два доллара. Кстати, где этот Пилат, распинающий мою родину? Скажу словами поэта: «Иных уже нет...» Одним словом, я поехал к Шмидту. Что же мне оставалось, если мошенник Дэле теперь кормит тебя? Но и Шмидт оказался не лучше. Почему-то он хотел сделать из меня Тищенко, хотя я ему тысячу раз говорил, что я Тишин. Потом я ему заявил: «Вы можете, в крайнем случае, оккупировать Москву, но, как говорил Керенский, без аннексий и контрибуций». А он в ответ цинично рассмеялся. Здесь еще катастрофа с Эльзой... Пойми, я ее полюбил! Стихийно! Так, как еще не любил никого! Я думал, что это будет союз души с душой родной, но они потребовали какое-то свидетельство о бабушке, а потом, когда я стал кричать, обвинили меня в «наследственном безумии» и — страшно вымолвить — хотели стерилизовать. Разве это не оскорбление Святого духа?

Итак, Парагвай! Конечно, можно торговать папиросами, но в чем тогда смысл жизни? Хотя я решил поговорить по душам с секретарем, я больше ни во что не верю. Пожалуй, ста, не отвечай мне: я не хочу переписываться с агентами Коминтерна. Прощай! Если ты попадешь на могилу Хуренито, вспомни обо мне. Может быть, мошенник Дэле поставил ему приличный памятник. Или положи камень и начертай на нем вопросительный знак — это мой ответ Хуренито. Вероятно, я скоро совершу смертный грех: наложу на себя руки. Не забудь переслать пезо, лучше всего телеграфом. Еще — молю тебя во имя прошлого: не пытай безвинных в застенке!

Твой до гроба А. Тишин».

Это письмо не удивило меня. Хотя Алексей Спиридонович с присущей ему фамильярностью называл Учителя «братом», высокое учение Хуренито никогда не доходило до его сознания. К счастью, другие ученики оказались более преданными заветам Хуренито. Особенно чтит память Учителя мистер Куль.

Вскоре после смерти Учителя мистер Куль неслыханно разбогател. Он организовал сухой режим, мощный грест гангстеров, войну Парагвая с Боливией, густую сеть дансингов, эксплуатацию бисмута, передачу причастия по радио, осушение Зюдерзе, три переворота в Бразилии, каучуковые плантации в Никарагуа, похищение грудных младенцев и множество других столь же любопытных предприятий. Вера в библию и в доллар, как прежде, поддерживала его. Заботясь о своем долголетии, он стал вегетарианцем, усиленно занимался боксом, а для любовных утех выписывал исключительно малолетних яванок. Он достиг зенита славы и могу-

* Послесловие к новому изданию книги Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников».

щества. Когда однажды журналисты спросили его, не думает ли он стать президентом Соединенных штатов, мой друг рассеянно ответил: «Алло? Справьтесь у седьмого секретаря. Стол личного состава: короли и президенты». Контролируя баланс Государственного банка, мистер Куль однажды пришел к мысли простой, однако же глубокой: он понял, что доллары печатает он сам. Это потрясло его, и, приехав как-то в Париж, он мне сказал:

— Библию написал тоже я. Моисей или пророки ее просто прокорректировали.

Когда настали дни так называемого «мирового кризиса», мистер Куль снял с рук перчатки боксера и отослал на Яву всех яванок: он переживал свой, глубоко духовный кризис. Пал доллар, и, следовательно, можно сказать, что не мистер Куль потерял доллары, но доллары потеряли мистера Куля. Он хотел было застрелиться, но, вовремя вспомнив слова Учителя: «Ступайте туда, куда поведет вас необходимость», бодро продиктовал секретарю устав акционерного общества «Выход из положения». Названное общество помогало разорившимся биржевикам кончать с собой разумно, красиво и безболезненно.

Верный наставлениям Хуренито, мистер Куль составил грандиозные проекты уничтожения пшеницы и хлопка. Ежедневно он сжигал 200 тысяч мешков кофе, на чем зарабатывал в год от 22 до 28 миллионов долларов. Он ломал станки, краны и комбайны. Он топил пароходы. Он взрывал дома. Он отравлял туши волов. Одновременно с этим он разводил хлопок, пас телят, строил машины, сеял пшеницу, сажал кофейные плантации и воздвигал новые дома. Обычно то, что он строил в январе, он ломал в июне или в июле. Он зарабатывал дважды: на том, что строил, и на том, что ломал. Созвав «Международную конференцию по уничтожению пшеницы», мистер Куль рассказал на ней о некоторых приключениях великого Провокатора. Так представители Югославии и Гондураса впервые ознакомились с идеями Хулио Хуренито. Свою деятельность мистер Куль оправдывал соображениями, как экономическими, так и нравственными. Он говорил: «Алло! Всего чересчур мало. Люди должны быть счастливы. Построить два миллиона тракторов». Или: «Алло! Всего чересчур много. Люди должны быть счастливы. Уничтожить два миллиона тракторов». Мне трудно сказать, были ли действительно счастливы люди в те бурные годы, но я не раз встречал мистера Куля и могу засвидетельствовать, что мой друг был вполне счастлив.

Сейчас, насколько мне известно, мистер Куль усиленно готовится к уничтожению излишка людей. По его словам, ближайшая операция должна уничтожить свыше 12 миллионов ненужных особей и принести мистеру Кулю 25 миллиардов чистого дохода. Он сказал мне:

— Я получу 1000 долларов с каждой мертвой души!

Произнеся слово «душа», он благоговейно прикрыл глаза и замурлыкал негоспалом, негосмарш из «Веселых ребят».

Вдохновляемый образом Учителя, мистер Куль приступил к составлению новой библии. Он объяснил мне:

— Если я автор первой версии, почему бы мне не составить вторую?

Он подарил мне черновик, представляющий начало новой книги бытия.

«Вначале был доллар, и доллар был бог. Был человек, посланный от бога, и имя ему было мистер Куль. Он познал мистрис Куль, и мистрис Куль зачала и родила сына, и имя ему было мистер Куль. Произвела земля зелень, и мистер Куль сказал: «Да отделятся прибыли от убытков», и он уничтожил зелень, и семь тощих коров пожрали семь тучных, и были доходы мистеру Кулю от всех четырнадцати коров: от семи тощих и от семи тучных, и мистер Куль отдыхал и наслаждался жизнью, ибо был день седьмой».

Я решил показать это вдохновенное произведение кому-либо из учеников Хуренито. Я не знал, где находятся Эрколи и Айша. Что касается Шмидта, то он находился в стране, для меня запретной. (Некоторые люди открывали новые страны, теперь, судя по моему опыту, они их предпочтительно закрывают.) Оставался г. Дэле. Я знал, что несмотря на почтенный возраст наш друг еще бодр.

Я долго раздумывал, как мне надлежит его приветствовать. Возможно, что, будучи патриотом, он стал одним из вождей «Французской солидарности»? Однако в дни юности

он был вольнодумцем. Не прижму ли он теперь к «Народному фронту»? Г. Дэле быстро рассеял мои сомнения. Высунувшись из окна, он приветливо махнул мне ручкой и крикнул:

— Варит!

Опешив, я робко спросил:

— Кто?

— Конечно, он, желудок.

Я сразу почувствовал себя молодым и красивым: пятнадцать лет как не бывало. Сейчас войдет в комнату Учитель и с усмешкой спросит: «Как Зизи?»

Многое успело измениться на свете со дня смерти Учителя. На Урале люди построили Магнитогорск, а в Сибири — Сталинск. Американцы сначала воздвигали небоскребы, затем стали их сносить. Немцы сначала печатали книги, потом принялись их жечь. Из Испании изгнали короля, а в Грецию короля призывали. В Москве танцуют фокстрот, а в Берлине раздают хлебные карточки. Идут года — меняется мир. Но насколько отдохновенно бывает в этом бушующем море увидеть неподвижный островок, гранитную скалу, отражающую все атаки стихии! Увидев г. Дэле, я сразу забыл и о фашистском приветствии и о библии мистера Куля. В упоении я закричал:

— Дорогая гранитная скала!..

Г. Дэле еще раз махнул ручкой и сказал:

— Зачем эти церемонии? Называйте меня по-старому, Гастоном. Вы попали как раз к завтраку. В прошлое воскресенье я подстрелил куропатку. Вы не верите? Но я еще бодр, хи-хи. Спросите Люси. Это труднее, чем стрелять куропаток. Я вижу, что вы скептик. Как мой бедный компаньон? Хорошо, я вам признаюсь, я купил ее у Жана. Только не говорите Люси. Она висела пять дней на шейке, и вчера она упала: она содрела, чтобы быть с'еденной. Я же вам говорю: он варит! Как жаль, что мой бедный компаньон погиб в этой ужасной стране! Попробуйте шабли — 1921. Увы, это год его смерти. Для вина это замечательный год. Я хотел бы поставить на его могиле памятник. Он в котелке и в дорожном пальто. Он занес ногу — впереди неизвестность. Мой друг, мне 64 года, я могу прожить еще тридцать лет. Одно меня пугает — неизвестность. Хорошо, еще два года будет Лаваль, потом один год Эррио, один год какие-нибудь сумасшедшие, потом четыре года снова Лаваль, а потом? Может быть, снова сумасшедшие. Но тогда франк падет. Вы понимаете, весь мир теперь сошел с ума. Как ваш дворник. Они хотят, чтобы все переменялось. Но ведь это попросту глупо. Что вы скажете о куропатке? Нет, нет, вы понюхайте! Теперь попробуйте «Оспис де бон». Слышите букет? А куропаточка провисела пять дней. Вы меня понимаете? Зачем меня? Вы увидите Зизи. Хи-хи, вот и спутал: не Зизи — Люси. Она сейчас завтракает у тети. У нее ямочки, как у Зизи. Вы ведь когда-то были портом, вы меня поймете. Сколько времени можно заниматься любовными проказами? Ну, два часа. А говорить об этом можно десять. Вы скушаете куропатку и все, но помечтайте, поговорите о ней, окружите ее поэтическим гарниром — вот и жизнь прошла. Они все взбесились! Что можно выдумать нового? Этот «Оспис де бон» надо пить так: залезьте носом поглубже. Вы чувствуете? В вашей ужасной стране... Нет, не обижайтесь. Я за сближение. Я за сближение со всеми. Мы должны подписать два договора. Конечно, секретных. Один с вами, другой с немцами. Будь я моложе, я завел бы еще одну Зизи, то есть кроме Люси-Мими. У нее такие ямочки сбоку!.. Пусть воюют итальянцы, если им нравится. Я люблю мир. Разве вы не знаете, что я был депутатом? Независимый левый. Но это чересчур утомительно. То и дело министры кричат: «Доверяешь ты мне или не доверяешь?» Хуже чем Люси. Приходится голосовать «за». Потом надо исправлять, что воздержался, и так все время. Я даже рад, что меня не переизбрали. Они выбрали теперь этого подлеца Бэло. Он тоже независимый левый. Но от него бежала жена. Как же он может управлять государством? Несчастная Франция! Кстати, почему Люси не приходит? Я в этих теток не верю. Когда я был депутатом, начались финансовые скандалы. Конечно, на зеленый горошек хватает... Я с министрами часто завтракаю: «Гастон, дорогой!»... Теперь у меня деликатное дельце. Я приглядел поместье в Дордоне. Простит миллион. Вот я и решил свести нашего друга Шмидта с ми-

нистром. Я и сам не знаю, чего этот Шмидт хочет. Кажется, насчет химии. Потом какая-то Украина. Это, наверно, возле Абиссинии. Ну, мы дадим Шмидту Украину. Еще, наверно, он выклянчит заем. Денежки пропадут, это всегда с займами бывает. Зато я куплю поместье. Буду ходить на охоту. И — Люси. Я только теперь понимаю, что такое любовь. Я ничего не требую от нее кроме упоения. Наверно, это не тетка. Обидно, что она на мои деньги покупает какому-нибудь мальчишке галстуки. Попробуйте финь-шампань — наполеоновский.

В комнату, однако, вошел Шмидт. Я сразу узнал его: тот же срезанный затылок, та же военная выправка, те же голубые безумные глаза. Подняв вверх руку, Шмидт сказал:

— Гейль Гитлер!

Г. Дэле виновато покосился на меня и тоже поднял руку. Я стоял рядом с ним и слышал, что вместо «Гейль Гитлер!» он бормочет: «Финь-шампань, финь-шампань». Со мною Шмидт не поздоровался. Любезно, однако настойчиво он попросил г. Дэле очистить помещение от марксистских и неарийских элементов. Не желая причинять хлопот г. Дэле, я быстро допил наполеоновский коньяк и удалился.

В газетах я не раз встречал имя Шмидта: повидимому, он стал одним из руководителей «третьей империи». На лейпцигском процессе он заявил, что рейхстаг был подожжен коммунистами. Я думаю, что в этом сказались его прирожденная скромность. Помимо чисто политической деятельности Шмидт известен своими научными работами. Он занят теперь улучшением человеческой породы. Он разыскал дочку той самой фрау Хазе, в доме которой он некогда удовлетворял свои естественные потребности. Будучи одним из лучших производителей «третьей империи», Шмидт бодро покрыл фрейлен Хазе. Так был получен выдающийся экземпляр чистого германца, который в возрасте трех лет не говорит, но исключительно марширует. Этот выдающийся экземпляр, по отзывам немецких философов, является «сверх-человеком».

Судьба однажды свела меня с Эрколе Бамбучи. Это было в Милане два года тому назад. Меня представили какому-то сановнику, который заведывал предстоящей колонизацией Харара. Я показал мою карточку журналиста. Тогда сановник, озираясь по сторонам, увлек меня в свой кабинет:

— Не узнаешь? Это я, Эрколе!

На стенах висели карты Африки и портреты Дуче. На столе стояла фляжка с вином. Ходить по кабинету было трудно, так как он был весь заставлен плевательницами. Эрколе сказал:

— Ослы, они не хотят, чтобы я плевался! Это у них называется «национальное возрождение». Приходится следить за собой. Зато дома я немного отыгрываюсь. Выпьем по стаканчику! Понимаешь, я теперь не монах и не Нептун. Я потомок древних римлян, я носитель латинской культуры. Это ужасно томительно. Откуда мне знать, где Харар?.. Только чтобы эти ослы не вздумали воевать! Я помню, как было с австрийцами. Сначала пускаешь хлопущки, а потом надо бежать, высунув язык. Хорошо, мне скажут: «Эрколе, иди стреляй в негуса». Но ведь этот негус может тоже выстрелить и прямо в меня. А кто им сказал, что я собираюсь умирать?..

Выпив пять или шесть стаканчиков «барберы», Эрколе начал снимать с себя все форменные одеяния. Под черной рубашкой оказалась другая, розовая с изумрудными полосами. Мои глаза затуманились от волнения, и я пролепетал: — Ты помнишь Хуренито?..

Тогда Эрколе не выдержал. Он лег на стол, вдохновенно прищурился и плюнул в стенку.

Недавно я встретился с одним журналистом, который ездил в Эритрею. Он рассказал мне, что в генеральном штабе он познакомился с неким Эрколе Бамбучи. Этот Эрколе ходит неизменно с негром Айшей. Говорят, будто он выписал негра из Брюсселя. Как только начинается тревога, Эрколе прячется за Айшу.

Так я узнал, что любимый ученик Хуренито не только жив, но нашел себе в жизни теплое местечко. Бедный Айша, вспоминает ли он еще о «Чемпионе цивилизации»? Может

быть, он тайком уже подбирает ожерелье из хороших классических зубов. До отъезда в Абиссинию он работал на всемирных выставках, изображая собою людоеда, открывал двери в дансингах и даже нищенствовал. Наверно, не раз он вспоминал Хулио Хуренито, которого нежно и беззаветно любил.

Итак, я могу сказать, что все ученики Хуренито, за исключением Алексея Спиридоновича, нашли себе в жизни некоторое применение. Что касается злосчастного идеалиста, то я надеюсь, что президент Парагвая (хотя бы из солидарности с Уругваем) произведет его в почетного председателя Религиозно-философской академии. Вряд ли я должен останавливаться здесь на своей судьбе. Как известно некоторым читателям, я стал автором многих романов и благодаря Хуренито, проникнув однажды в литературный мир, прочно там обосновался.

Читающие эти строки могут спросить меня: не предал ли я памяти Учителя? Как совместить его любовь к зверобою, к детским проказам и к скандалу с моими романами о социалистическом строительстве? Вместо ответа я расскажу им о моем паломничестве на могилу Хулио Хуренито.

Велико было мое удивление, когда, придя на то место, где я некогда вбил кол в могилу Учителя, я увидел гору листочков. Как богомольные иудеи кладут на могилу праведника камешки, могила Хуренито была вся засыпана записками. Неизвестные спрашивали:

«Скажите, тов. Хуренито, вы действительно существовали или вас придумал Эренбург?»

«Какая разница между вашими идеями забесившегося мелкого буржуа и агентами крупного капитала?»

(Эта записка успела пожелтеть, и не надо быть археологом, чтобы отнести ее к третичному периоду (РАПШ)).

«Тов. Хуренито, как совместить ваши взгляды на любовь с законом об алиментях?»

«Что вы думаете о творчестве Киршона?»

«Почему вас издают всегда с предисловиями?»

«Скажите, тов. Хуренито, что бы вы делали, если бы дожили до наших дней и увидели бы расцвет строительства, наших ребят, наш Парк культуры, наше счастье?»

Увы, Учитель мертв. За него теперь должен отвечать его ученик. Я оставляю в стороне вопросы, чересчур злобные или чересчур наивные. Скажу одно: Хулио Хуренито действительно умер. Но не зря он прожил свой короткий и бурный век. На том месте, где молодые строят теперь новую жизнь, было немало лжи и хлама. Многим и многим Учитель помог избавиться от привязанности к прошлому. В те времена не цемент требовался, но лом. Учитель был поэтом и шутником. Он не составлял законов (за исключением одного легкомысленного опыта), не управлял государством, не воспитывал детей. Он делал то, что он должен был делать: он уничтожал. Пусть дети нового века, эти баловни судьбы, поймут тяжелую молодость мою и моего поколения!

Когда не только вода не была отделена от тверди, когда свет еще не был отделен от тьмы, книга о жизни Хулио Хуренито помогла многим с новой непримиримостью встретить злобу врага, хитроумие обывателя, ханжество классического миролюбца. Может быть, и теперь эта книга поддержит людей в их высокой борьбе. Ненависть требует горящих глаз и бессонных ночей. Надо уметь ненавидеть то, что ненавидел Хулио Хуренито: пошлость, трусость, тупость, лицемерие.

Учитель приказал мне написать эту книгу не потому, что он ненавидел жизнь, но потому, что он любил будущее. Однажды, это было летом 1913 года, он сказал мне:

«Люби, крепко люби детей! Оскорбляй святых, преступай заповеди, смейся, смейся громче, смейся, когда нельзя смеяться, смехом, мукой, огнем расчищай место для него, грядущего!»

Я верю, что по мере моих слабых сил я выполнил завет Учителя.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Париж. 1936 год

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Кинофабрика стояла молчаливая и солидная, как провинциальный антирелигиозный музей, закрытый на ремонт.

Маломощная девица, выдававшая в вестибюле пропуска, была в курсе всех незатейливых внутренних событий и моментально предупреждала посетителей:

— К Драпину нельзя. Товарищ занят. Их увольняют. К Лапкеру тоже. Перевелся третьего дня на лесное дело. К Сагкову можно, только их нет. К Капееву нельзя. Сидит в творческом отпуску, на втором этаже. Не принимает.

Посетители привычно выслушивали маломощную девицу и тут же проходили мимо нее, в шубах и галошах, наверх. Маломощная вздыхала и рисовала на невзятых пропусках незабудки и электрические чайники.

Наверху, по длинным и скрипучим коридорам, напоминавшим козьи загонь, мрачно ходили грустные кинооператоры в увядших брюках-гольф бывшего торгсиновского образца. Кинооператоры скучали, как молодые барсуки в клетках. Им нечего было делать.

Иногда среди них мелькал с потухающим блеском в глазах одинокий кинорежиссер, забегал в буфет и возвращался с тихим стоном в свой кабинет. Там он прожевывал бутерброд с рубленой селедкой и постепенно, в последовательном порядке, снимал и надевал розовое кашне, чтобы убить служебное время. Режиссеру тоже нечего было делать.

На фабрике не было сценариев.

Шесть заведующих сценариями жадно выглядывали из дверей, стараясь распознать в каждом случайном посетителе автора. Но посетителями были не случайные молодые люди с фотогеничными лицами, которым хотелось устроиться или завхозами в крымские экспедиции или художественными консультантами.

И вдруг в одном из коридоров показался автор. Его сразу было заметно по тому робкому виду, который всегда бывает у авторов на кинофабриках при виде буйных клетчатых брюк и пушистых кепок киноработников.

— Я принес сценарий, — тихо сказал автор. — Типичная мультипликация. Басня. Крылов. «Кот и повар».

— Крылов? — радостно охнул режиссер. — Вы знаете Крылова? В подлиннике читали или в переводе? В подлиннике? Идемте, идемте, нам нужны люди с литературной эрудицией. Великий баснописец Михаил Юрьевич Крылов! Нам нужен Крылов.

— Крылов — это Иван, — робко заметил автор сценария, — Андреевич.

— Иван Андреевич тоже нужен, — темпераментно подтвердил режиссер и дугообразным движением сладко увлек автора в кабинет.

На фабрике началось оживление. В кабинет режиссера дугом прорвались шесть заведующих сценариями и заняли подоконники, заслонив зимний сияющий день. Отмененные, но хранящиеся в резерве художественные консультанты pokrыли собой диван. Бывший завхоз прекратил выдачу грушевого клея лабораториям и прибыл в кабинет, чтобы вставить несколько идеологических замечаний. Даже маломощная девица из вестибюля, выдававшая пропуска, бросила свое занятие и нервным голосом заметила двум настойчивым посетителям:

— Посидите пока на лестнице. Не срывайте промфинплана. У нас авторы.

Автор наверху, в режиссерском кабинете, читал сценарий. Сначала чтение прерывалось восторженными вскриками, похожими на всплеск окуня в небольшом затоне.

— Затемнение. Музыка. Входит повар, — читал автор.

— Нам нужен повар! — восторженно стонали режиссер и часть заведующих сценариями. — Работник нарпита — большим напльвом. У нас еще не было повара.

— Повар как таковое, — бодро подтвердили отмененные художественные консультанты.

— Музыка. Кот ест мясо. Напльв, — читал автор.

— Мясо, мясная проблема, нам нужно мясо на экране, —

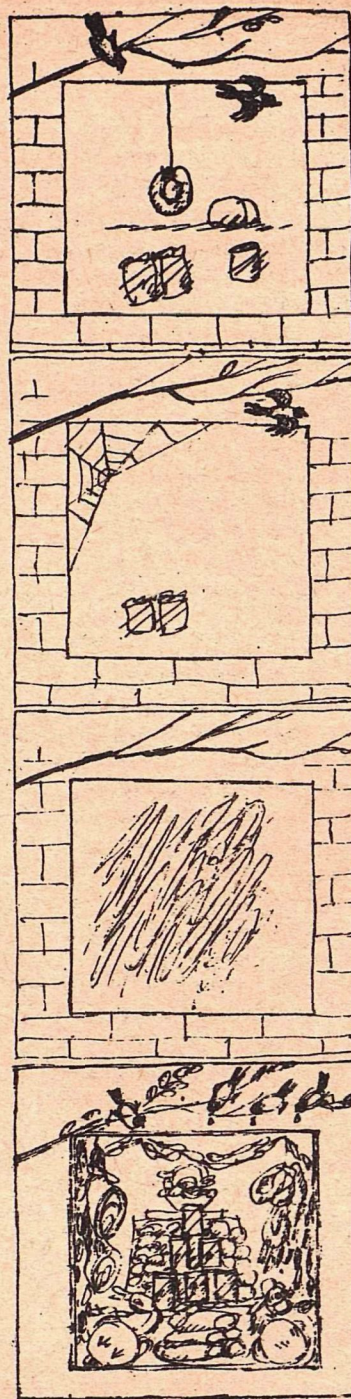

Рис. М. Черемных

Дорогой Крокодил!
Сообщаю тебе результат м
ний за двумя окнами в со
Я живу в 10-м номере, а
Одно окно принадлежит до
Марии Егоровне, другое - лавн
кооператива. Много лет ме
лась упорная война. Чем ме
лось товаров в окне кооперати
расли запасы в окне Марии Е
что победило окно Марии Е
год назад в окне кооператива
бумажные кисети с кофе, "Здор
Егоровна между стекл было
— пирамидки батонек с маслом
на ниточках висели свертки
кобасой, белела терверт с ма
окно кооператива было разма
написано на нем: "ОТЫРКАЗ
Марии Егоровна готово было по
было открыт форточку. А потом
чуться окно магазин, открыто
тивна, и худеть окно Марии Егоров
Егоровна убрала последний сверто
вка запасаеет теперь себе продук
Поставив варить обед, мно
в окно на воробьев, которые
соседнюю березу, и замечает
стало гораздо светлее. В.

торопливо вставил вошедший замдиректора кинофабрики. — Очень хорошо. А что он говорит, когда ест?

— Коты не говорят, — робко отозвался автор.

— Пусть не говорят, — императивно согласился замдиректора, — нам нужны звуковые картины, в которых не говорят. Дальше!

Автор дочитал сценарий под учащенное и восторженное дыхание присутствующих. Приступили к обсуждению.

— Наконец-то мы имеем в руках кинофабрики замечательный сценарий, — задумчиво сказал режиссер и с мягкой улыбкой добавил: — Надо только освободить его от налета американизма. Ну кому нужен этот апофеоз делячества: кот ест мясо, повар ест коту...

— Позвольте, — болезненно встрепенулся автор. — У нас с Крыловым повар не ест коту.

— И жаль, — вступился за режиссера замдиректора, — ловля пушных зверей — это то, что нужно на экране. Не срывайте нашего промфинплана.

— Ударьте по коту, — примиряюще посоветовал один из заведующих сценариями. — Что такое ваш кот: теза или антитеза?

— Обыкновенный кот, — дрогнувшим голосом сказал автор.

— Не наш кот, — обиженно заметил второй заведующий. — Не советский кот. Это их кот. Наш не стал бы есть чужого жаркого. Наш сам должен принести повару жаркое.

— И еще оставить рубля три на мелкие расходы, — вдохновенно добавил второй заведующий.

— Ну да, — согласился третий. — А сам позавтракал бы мясными консервами. Чисто лирический и почти производственный момент.

— Не будем насиловать творческое я автора, — тактично и сочувственно посоветовал замдиректора. — Зачем пере-

гружать коту
док на меша
повара.

— Один
сил автор. —

— Можн
самодетельн

— Ну
украл у коту
Музыка. Ч

— Крыл
— Нет.

нельзя.

— Его м
ра. — Нельз
ность правов

— Нельз
ший детекти

Напльвом —

Автор ту
и на прямых

шагнул чере

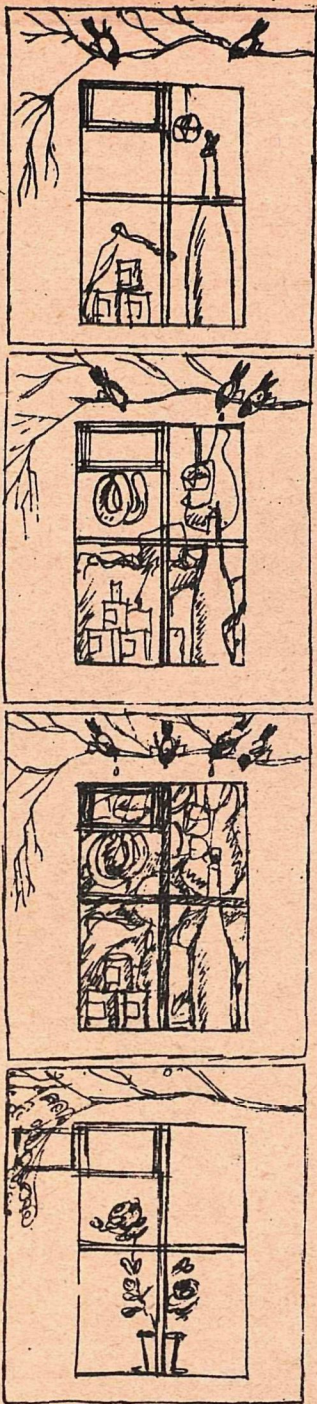
— Товар
сил он на уг

— Давай
Проходите,

А наверх
мерках, замд

ческим досу

— И поч
внимания к
И зная, ч

...их наблюде-
седнем доме.
...и окна в 12-м
...ашней козыжке
... районного
...у окнах дм-
...ише станови-
...ва, тем больше
...оробна. И пока
...оробна. Примерно
...остались только
...овбе! У Марии
...какое изобилие
...и, нога Телгуба,
...со штиком, с
...ком. Наконец,
...ано и пальцем
...АН ТНОМЕР! Окно
...уть, нельзя даже
...агало напал —
...вместо коопера-
...ва. Маднах Мария
...ек. Мария Егоро-
...ов на день, на два.
...да смотрит
...пераселли на
...то в комнате
...Тобольков.

Мы говорим о доставке газет на дом.
У нас и на Западе.
Там!
Какой нездоровый ажиотаж! Какая навязчи-
вость!!
Раннее утро... Не успели вы продрать глаз —
баб!.. Газета.
Щеки у вас намылены, в желудке — остатки
ужина, во рту — зубная щетка: читайте!
На работу пришли: вы не человек. Вы фарши-
рованная утка. Вы начинены новостями, полити-
кой, фельетоном, театром, кино. Поставь вам, где
нужно, рупор, и вы граммофон. Вы живое радио.
Мало!
Появились вы среди дня: трах!.. Второй выпуск!
Мальчишки бегут, газетами прямо по головам
лупят. Бой тюленей!
Вечер!! На девять десятых, конечно, обман: ста-
рые новости. Редко когда к полудню одно пра-
вительство наберут, к вечеру — сбросят.
Блеф! Спекуляция!!
У нас.
Десять часов утра.
— Машенька-а!..
Спокойно.
— А-ась!
— Машенька-а!.. Посмотри-и!.. Там что-то ни-
как в ящике стукнуло. В этом, в почтовом. Газе-
ты нет?
— Нетути.
— А ты в эти, как их, в дырки глядела? Вни-
зу?.. И туда пальцем?
— Глядела. И пальцем и так. Нету. Вчера газе-
ту во втором часу принесли, третьего дня — баба
случилась погорячее — в одиннадцать. А то быва-
ет: и в три и в четыре бросют.
— Ну вот и хорошо, Машенька... Когда газета

придет, — я в город пока схожу, — ты ее прибе-
ри. Только куда подальше, чтобы я ее сразу-то
не нашел... Вот-вот! Курицу в нее заверни, да —
между окнами: я в форточку не полезу. С утра
не прочел, так лучше перетерплю до сна. А то
как во время работы возьмешь, улечешься, ну и
всему писанию конец.

Да...
Но зато уж когда забрался в кровать, тут на-
сладился!

И с женой разговор начинаешь:
— Варенька! Да ведь у нас сегодня билеты по
абонементу пропали! «Пиковая дама»!.. Что?.. Да,
да, пожалуй, мы опоздали. Формально, половина
второго... Ну, спи!.. Постой! Тут выступление, го-
ворят, одно должно быть, очень важное. Мне се-
годня и то пеняли: «Да что вы, — говорят, — ди-
нозавр? Хлородонт? Дохлое ископаемое? Таких
событий не знаете?!»

А ведь и правда!..
Правда, как-то неловко...
Такая жизнь!..
Такая жизнь, что каждое биение пульса ее в
ближайший же момент услышать хочется. Улыбку
каждого утра.

А улыбку-то подают к вечеру. Когда на ней уже
корочка.

Какие крайности!
Там, где-нибудь в старой Англии, ранним утром
прочтешь: что вот, мол, у ихних грачей тоже
споднизу пух.

А здесь, уж, глядишь, вечер, а ты еще и про
своих героев не знаешь.

Но, конечно, и вечер имеет свои красоты...
Китайский табак благоухает, например, ночью.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ТОНКИЙ И ТОЛСТАЯ

Встретились они в Москве неожиданно. Бух-
галтер, посмотрев на толстую пожилую граждан-
ку, прошел было мимо, потом обернулся, подумал:
«Неужели Зинка?..»

Толстая пожилая тоже, видимо, узнала бухгал-
тера, подошла к нему и сказала, протянув руку:
— Иерихонов? Друг детства!

— Зинка. Фу, чорт! Растолстела как тумба!
Прямо как дуб в три охвата, помнишь, который у
нас в городском саду рос

— Как же, помню. Лет двадцать с тобой не ви-
делась. Ты все такой же тощий.

— От хорошей жизни не потолстеешь. Живу
под Москвой, каждый день ездить мучение. Но
ты, ты прямо Тарас Бульба. Ну, как? Служишь?
Здесь?

— Работаю. Здесь.
— Много, видно, зарабатываешь. Телеса такие.
Прямо пушка.

— Неплохо.
— Сотни три?

— Побольше. Нулик прибавь. Я ведь главный
инженер на текстильной фабрике. Кроме того изо-
бретательница.

— Т-ри тысячи?..
— Бывает и больше. Ну, как ты?

— Да что я... И квартиру имете?

— Имею. Даже комната лишняя есть. Как до-
полнительная площадь. Ну да ведь такой пушке
надо ворочаться где-нибудь. Да что ты молчишь?

— Квартирка... Главный инженер... Ну, прямо
как по Чехову. Эта ж чудесно, Зинаида Ефремов-
на! И так сохранились.

— Сохранилась? Сам говоришь — пушка.

— Какая пушка?.. Если в профиль взглянуть,
прямо все так же изящны.

— Былинка?

— Ха, ха... Былинка... Да, да... Честное слово.
Я думал, какая иностранка, французенка идет.

— Да что ты егоришь? Тебе что: может, ком-
нату устроить? Могу и полквартиры отделить.
С нами, с изобретателями, знаешь, считаются.
Только как ты со мной рядом жить будешь? Еще
поругаемся. С пушкой такой...

— Зинаида Ефремовна!.. Не вспоминайте вы
пушку. Сорвалось... Разве такие толстые бывают?

— А ты, Иерихонов, все тот же... Вру и тебе
все. Живу я не в Москве, а в Клину. Дома по
хозяйству работаю. Муж — счетовод. Живем дру-
жно. Сейчас получил он триста рублей премии,
приехали сюда, одеяло хочу купить... Эх, ты...

Бухгалтер с минуту стоял молча, потом проце-
дил:

— На слоних одеял не найдете, пожалуй... Не-
бось, в трамвае за два места платишь... Тумба
чортова...

И, не подав руки, завернул за угол.

В. ТОБОЛЯКОВ

беспочвенной лирикой? Не надо никаких ски-
нских вкусов. Давайте прямо выведем из картины

кот как таковое? — грустно и испуганно спро-
— И никого больше?

о ввести этого... как его... Крылова, — в порядке
ности вмешался завхоз.

да, — замечтал вслух режиссер, — баснописец
мясо. Жареное. Дым. На экране пахнет соусом.

о-нибудь из Прокофьева. Потом с'ел его.
в кота?

то будет уже голое приключенчество. Этого

можно разоблачить, — посоветовал замдиректо-
оставлять неразоблаченной такую распушен-

и, — вздохнул режиссер. — Это будет чистой-
вный налет. Кота арестовывают, кот в кандалах.

тюремное окно... Нельзя. А что вы думаете?

по посмотрел на собравшихся мутным взглядом
ногах двинулся к выходу. В вестибюле он пере-

з маломощную девицу и вышел на улицу.

иш милиционер, — приглушенным голосом спро-
лу. — Где я?

те не будем, — сухо ответил милиционер. —
гражданин...

у, в режиссерском кабинете, уже в вечерних су-
директора скорбно спрашивал утомленного твор-

о режиссера:
ему к нам не ходят авторы? Неужели нет в нас
живому автору? И где у нас сценарии? Где?

то ответа не будет, велел подать автомобиль.

АРК. БУХОВ

ДЕВОЧКА БЕЗ ШАПОЧКИ

Рис. Л. Генча

- Чего ты ищешь, девочка?
— Шапочку.
— А ты ее потеряла?
— Наоборот — я ее не могу найти ни в одном магазине.

ПУШКИНИАНА

Заинтересовалась Пушкиным и Валя Тупицына.

— Что, юбилей скоро? — спрашивала Валя. — Наверное, здоровый юбилей будет. И банкет. Не устройте мне билетик?

— Не скоро еще, Валя. А вы, Валя, Пушкина читали?

— Не читала, а видела. В кино.

— А вы бы почитали его.

— Вот еще! В кино лучше чем в книге представят. И опять оперу видела. «Онегин» называется. Хорошо поют. Громко. Вот только никак не могу одно место, главное, вспомнить: в каком это берете Татьяна была?

— «Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит...»

— В каком, в каком?

— В малиновом.

— В малиновом! Завтра же закажу. Ой, какой вы умный: все помните.

— А вы бы почита...

— А Онегин этот — дурак какой! Человек вроде как и не самостоятельный, да к себе Татьяну переманивает. Что она дура — к нему пойдет. На девять метров и носки штопать. Извиняюсь. У генерала, поди, и автомобиль свой и опять же квартира... А этому и берет не на что, поди, купить.

— Ва-аля!

— Что Валя? Да в малиновом? Обязательно закажу.

Теперь Валя ходит в малиновом берете и сообщает:

— Самый модный. Как у Лариной. Не знаете? Да у Пушкина есть. А ему юбилей скоро. Через этот берет, может, и на юбилей попаду. Будьте спокойны, такое, наверное, угощение завернут!

Пушкина она пока что все так же не читала.

Б. ТОБОЛЯКОВ

ИСКУССТВО РЕКЛАМЫ

Между нами говоря, искусство рекламы у нас освоено плоховато. Конечно, некоторые отдельные граждане и организации не согласятся с этим и даже скажут, что за такое начальное утверждение надо дать по рукам. Но это — их частное дело, с их возражениями мы не считаемся и тут же, не сходя с места, подкрепим свою горькую мысль несколькими образными примерами.

— Советская реклама, — говорят некоторые теоретики этого трудного дела, — должна быть прежде всего солидной и скромной. Это в какой-нибудь Аме-

рике один зарвавшийся капиталист предлагает сеledки, другой втирает золотой молодежи портянки нового образца, а третий, спасаясь от кризиса, рекламирует какую-нибудь зубную пасту для внутреннего употребления. Мы не должны скатываться до этого голого и почти неприкрытого дедачества. Мы должны просто информировать гражданское население о природе нашей продукции, и все.

И тогда появляются объявления приблизительно такого характера:

Конечно, толща рекламотельской твердокаменности не всегда непробиваема. Замечаются попытки, правда, единичные и робкие, украсить рекламу

ярким лозунгом или меткой, запоминающейся читателем фразой.

Тогда объявления — чаще всего — выглядят так:

**ФАБРИКА ДУХОВ И
МЫЛЬНОГО ПОРОШКА
„КРАСНАЯ РОМАШКА“**
Тел. К 5-40-05

Чистота — залог!
Моя руки, ты умываешь и
лицо!
Мыло — спутник трудящегося
в быту на периферии!
Мойте себя и ваших издвенцов только
МЫЛОМ „БОЕВОЙ БУКЕТ“ нашей фабрики!

Или:

ДАЧА — ОТДЫХ УЧАЩИХСЯ!
Уезжая на дачу, не забудьте купить
железный лом, пеньку и другие отходы
на заводе „ДУБИЛЬНИК“
Тут же имеются запасные части для арифмометров.

Привода эти грустные образцы, мы не можем не упомянуть о единственном виде объявлений, который у нас совершенно зашиб все американские достижения в этой области. Это об-

ъявления различных организаций о срочном спросе на совершенно неожиданный ассортимент товаров.

Вот образец такого объявления:

**ИНСТИТУТУ ПО ИЗУЧЕНИЮ ФЛОРЫ,
ФАУНЫ И ОКРЕСТНОСТЕЙ
срочно ТРЕБУЮТСЯ**

уральские барсы, гремучие змеи, канарейки певчие и электрические плиты.
С образцами товаров обращаться и завхозу от 6 до 8 утра и от 0.30 до 2 ч. ночи.

Или:

Ввиду переезда на Украину
Ленинградское, Харьковское
представительство
„СКУПМУЗЕЙСЫТА“

Срочно продает заинтересованным лицам и хозорганизациям скелет мамонта взрослый (1), не бывшие в употреблении татарские луки XI века (7), конский череп неизвестного происхождения (1), гипсовые маски разных лиц (8), а также оставшиеся нераспроданными 5832 экземпляра фотоальбома „Курганы и ураганы древней пензенщины“.

Оплата — безналичным расчетом.

Читатель вправе ждать, конечно, что после всего этого мы дадим ему образец, как же действительно нужно составлять рекламу. Но пусть он лучше не ждет. Мы очень далеки от нравоучительных тен-

денций. Мы просто показали, как не нужно делать рекламу, а высокие образцы ее пусть заворачивают под пером и типографской краской у тех, кому на этот предмет даны и перо и краска в руки.

ТРЕСТ ХИМРЫБМЯСОСТРОЙ

Председатель правления — Д. ДРИЦЫН
Главный бухгалтер — А. СЛИКИН
Зам. главного бухгалтера — С. ЗЕНКИНА
Представитель в Азербайджане,
Казани и Рязани — Ф. ШПУК
СОКРАЩ. АДРЕС. ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ:

Х И Б С О С

ПОЛУЧЕНА ПРОДУКЦИЯ

Как видит читатель, такое объявление совершенно лишено преступного американизма и знаменует блестящее состояние работы треста Химрыбмясострой. Если же читатели такого объявления так и не узнают, что именно конкретно является продукцией треста: валенки,

шпроты или изюм типа кишмиш, — это не так важно.

Не менее популярны у нас объявления и такого порядка, где продукция, так сказать, расфасована на отдельные названия товаров и подано все это хотя и в интригующем, но несколько болезненном виде:

ТОРГОВ'ЕДИНЕНИЕ „ДРАПСТЕРЛЯДЬ“

Получены свежие мандарины, ботики, пастила, кнопки детские, копченая скумбрия и другие кожаные товары.

Совхозам и колхозам при заказе машин — окидка.

Иногда суровые пуритане рекламного искусства все же смягчаются и снисходят до отдельных категорий населения, но и тут далеко не всегда со-

здаются шедевры. Их можно наблюдать в рискованных репутацией серьезности периферийных изданиях:

ГОРКООПКУСТПРОМАРТЕЛЬ
Б. „ДРЕЗИНА“

ТОВАР — В МАССЫ!

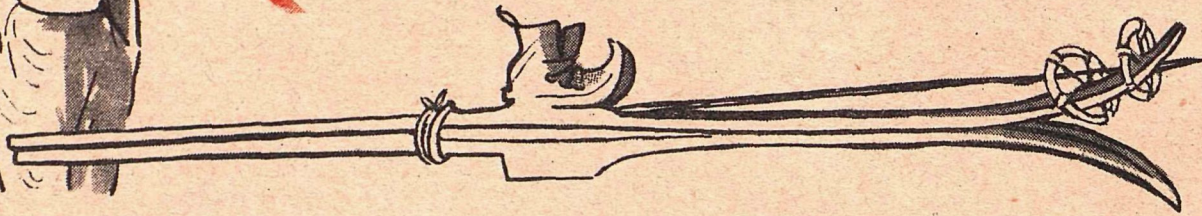
Вниманию детей:

получены гвозди, пилы, а также образцы хомутов.

ЦЕНЫ ПО ПРЕЙСКУРАНТУ.
Принимаются срочные заказы по телефону.

На лыжах

Раннее зимнее утро. В передней коммунальной квартиры еще совсем темно. Под потолком мутным банным светом мерцает электрическая лампочка величиной с кукиш. Катя Ермолаева, студентка-химичка, в синем лыжном костюме, с большой красной цифрой 13 на груди, надевает перед зеркалом белый берет и при этом ужасно нервничает.

Нервозность Кати объясняется тем, что в передней стоит ее мать Ксения Львовна, маленькая, суевливая, как воробей, старушка, и трагическим шопотом уговаривает Катю опомниться, не безумствовать, не уходить на лыжах в Ленинград.

— Что ты делаешь, Катя? — стонет Ксения Львовна и даже подпрыгивает от волнения. — Пешком в такую даль! На этих проклятых палках! Ты же умрешь по дороге, Екатерина!

— Ну почему я должна умереть, почему? Ребята не помрут, а я помру. Болтаешь, сама не знаешь чего.

— Нет знаю чего: ты слабенькая, у тебя в детстве золотуха была. Опомнись, Катенька, пожалей мать.

— Золотуха была! Ты бы еще про родимчик вспомнила. Все ребята уже сходили в Ленинград. Буквально все. У нас в институте профессор один — не тебе чета: и мужчина все-таки и старичок, и тот смотался в Химки на лыжах, а обратно его на автобусе привезли. А я должна почему-то сидеть дома и жалеть политически отсталую мать. Если хочешь знать, так мне тебя действительно жалко: женщине перевалило за пятьдесят, а она до сих пор не оценила значения лыжного спорта.

Политически отсталая мать быстро уходит к себе в комнату и через минуту появляется снова с каким-то конвертом в руках.

— Вот, возьми, — говорит она, протягивая Кате конверт.

— Здесь сто пятьдесят рублей. Это я отложила себе на пальто. Раз тебе очень хочется в Ленинград, ты так сделай: дойди со своими оголтелыми подружками на лыжах до вокзала, а там скажи, что у тебя нога заболела. Возьми себе билет хоть на «стрелу», а палки эти сдай в багаж. В Ленинграде останавливайся у тети Зины.

— Спасибо тебе, мамочка, за то, что ты учишь меня быть дезертиром и предателем. И в кого ты только уродилась таким меньшевиком, ума не приложу!

— Вот вам современная молодежь,

полюбуйтесь! — обращается Ксения Львовна к шубе члена коллегии защитников Пусецкого, висящей на вешалке. — Их учишь, как лучше, как разумнее, а они родную мать ругают меньшевиком. Покойный отец в гробу бы повернулся, если бы услышал такое!

— Ну довольно! некогда мне с тобой. И так опаздываю. До свиданья, мамочка. Пока. Из Ленинграда напишу.

Катя Ермолаева решительно целует мать в щеку, взваливает лыжи на плечо и выходит на лестницу. Ксения Львовна выскакивает следом за ней.

— Катюша! Вернись! Ведь на вас же волки могут напасть по дороге!

— Нам нестрашен серый волк, серый волк, серый волк...

— Господи ты, боже мой! И что это за девки повзростали! Ничего не боятся! Цифру-то хоть 13 перемени. Несчастливое число.

— Предрассудки, мамочка. А впрочем, ладно: я с Нинкой Хворостовой переменеюсь. Она обязательно дойдет, ей не страшно: она у нас чемпион, второй раз в Ленинград идет.

...Проходят дни. Ксения Львовна томится и худеет. Когда по телефону вызывают Катю, она могильным голосом говорит в трубку:

— Кати нет дома. Она ушла в Ленинград. Да, да ушла. Пешком. На этих... на лыжах.

На службе и дома Ксения Львовна все сочувствуют. В особенности член коллегии защитников Абрам Михайлович Пусецкий, сосед по комнате, которого Катя зовет «Чеказе-стрекозе». Каждое утро, встречаясь с Ксенией Львовной в коридоре, он спрашивает ее:

— Имеете сведения от вашей Артемиды? Нет? Ай, ай, ай!

При этом «Чеказе-стрекозе» качает большой седой головой и огорченно щелкает языком.

Наконец, письмоносец приносит Ксению Львовне открытку из Любани.

«Дорогая мама, — написано в открытке, — мы идем хорошо, очень весело, все время смеемся. Я иду норвежским шагом и не особенно устаю. Скоро Ленинград. Надеемся побить мировой рекорд. О нас уже пишут в газетах и готовят нам торжественную встречу. Не беспокойся за меня, пожалуйста: я столько ем, что просто ужас. Целую. Катя».

Вечером к Ксении Львовне заходит Пусецкий. Он галантно целует ручку Ксении Львовне и говорит свое обычное:

— Имеете сведения от вашей Артемиды?

— Как же, как же, Абрам Михайлович. Катюша прислала открытку. Из Любани. Идет норвежским шагом.

— Вот вам современная молодежь, — говорит «Чеказе-стрекозе», усаживаясь на диван и закуривая, — мать здесь нервничает, с ума сходит, а ей хоть бы что! В конце концов, если ей уж так хотелось побывать в Ленинграде, могла бы дойти себе на лыжах до вокзала, там сказать себе, что нога или рука заболела, взять себе билетик, хотя бы на «стрелу», и тихо, спокойненько поехать. И себе удовольствие — и мать не волнуется.

— Что вы, Абрам Михайлович! Вы учите мою Катюшу быть дезертиром и предателем? Так, Абрам, Михайлович, только меньшевики делают.

— При чем тут меньшевики? Не каждый может пешком в Ленинград шлепать. Ваша Катюша все-таки слабенькая девочка.

— Это Катюшка-то слабенькая?! Побойтесь бога, Абрам Михайлович! Девка — кровь с молоком. Спортсменка. Никогда ничем не болела, а вы — слабенькая.

— Потом мало ли что может случиться в дороге? Волки могут напасть.

— Им, Абрам Михайлович, нестрашен серый волк. Им ничего не страшно. «Чеказе-стрекозе» удивленно смотрит на раскрасневшуюся Ксению Львовну, поднимает одну бровь и говорит:

— Да вы никак сами собрались дунуть в Ленинград на лыжах, Ксения Львовна, следом за дочкой?!

— Помоложе была, может, и пошла бы. О Катюшке уже в газетах пишут, Абрам Михайлович. Мне вас жаль, Абрам Михайлович: все-таки вы пожилой человек, за пятьдесят, поди, уже перевалило, а до сих пор не оценили значения лыжного спорта!

Звонит телефон. Ксения Львовна снимает трубку.

— Катю? Кати нет дома. Она ушла в Ленинград. Что значит, как ушла? Очень просто: как все люди в Ленинграде ходят. На лыжах, конечно.

«Чеказе-стрекозе» встает с дивана, тушит окурок в пепельнице и, буркнув «До свиданья», уходит.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ЛЕДИ

Рис. Н. Радлова.

- Бедняжка! Она так несчастна! Джек, я хочу усыновить ее!
- Кого? Девочку?
- Нет, кошечку.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Сообщаю тебе о небывалом рекорде, не знаю уж только, в какой области физкультуры. Опубликуй сообщение о нем под лозунгом: «Ударим по сну и молчанию!» Рекорд поставлен начполитотдела Митрофановым, по инициативе которого было проведено заседание работников Игршенского совхоза (Красноярский край), продолжавшееся 43 часа.

Размахнулись и начали заседать в 10 часов утра 14 января, закончили и спаслись по домам в 5 часов утра 16 января. Стенограмма не велась, так как опасались, что для перевозки ее в районный центр потребуется специальный

грузовик. Очередные ораторы высказывались, придерживаясь от усталости за столик. Во время заслуженных аплодисментов слегка отсыпались и говорили дальше. Один беспартийный не выдержал и, попросив слова, заснул тут же на ходу, направляясь к трибуне.

Ну как: нравится наш рекорд?

М. КУГИЛЕВ

Чечерак, Красноярский край

МИЛЫЙ КРОКОДИЛ!

Я ученица 5-й группы харьковской неполной школы № 38. И я пишу у нас в стенгазете. А Гринев, который вместе со мной в группе, курит, дерется и хулиганит. Я так и напи-

сала в газете. И он меня побил около стенгазеты. Я пошла к директору т. Левши и говорю: «Я пишу, а меня побили». А директор т. Левши сказал: «Побил, ну и ладно, не нужно было его трогать». Разве так можно? Почему, когда большие пишут о хулиганах, их хвалят, а когда я, небольшая, написала о хулигане, меня побили около моей статьи (очерк), и директор за меня не заступает. Так нельзя.

ШУРА ВЕЛИЧКО

Харьков

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В городе Баку Центрально-эстрадное бюро организовало концерт для глухонемых. Вместо того чтобы

дать зрительные номера, директор Бюро Софистов и заведующий оперативным столом Левитин дали путевку исключительно вокальным и музыкальным номерам.

Глухонемые оказались очень тактичными зрителями: они встретили и провожали певцов и музыкантов дружными аплодисментами, но сами актеры были чрезвычайно удивлены, когда увидели, что зрители во время исполнения разговаривают при помощи рук.

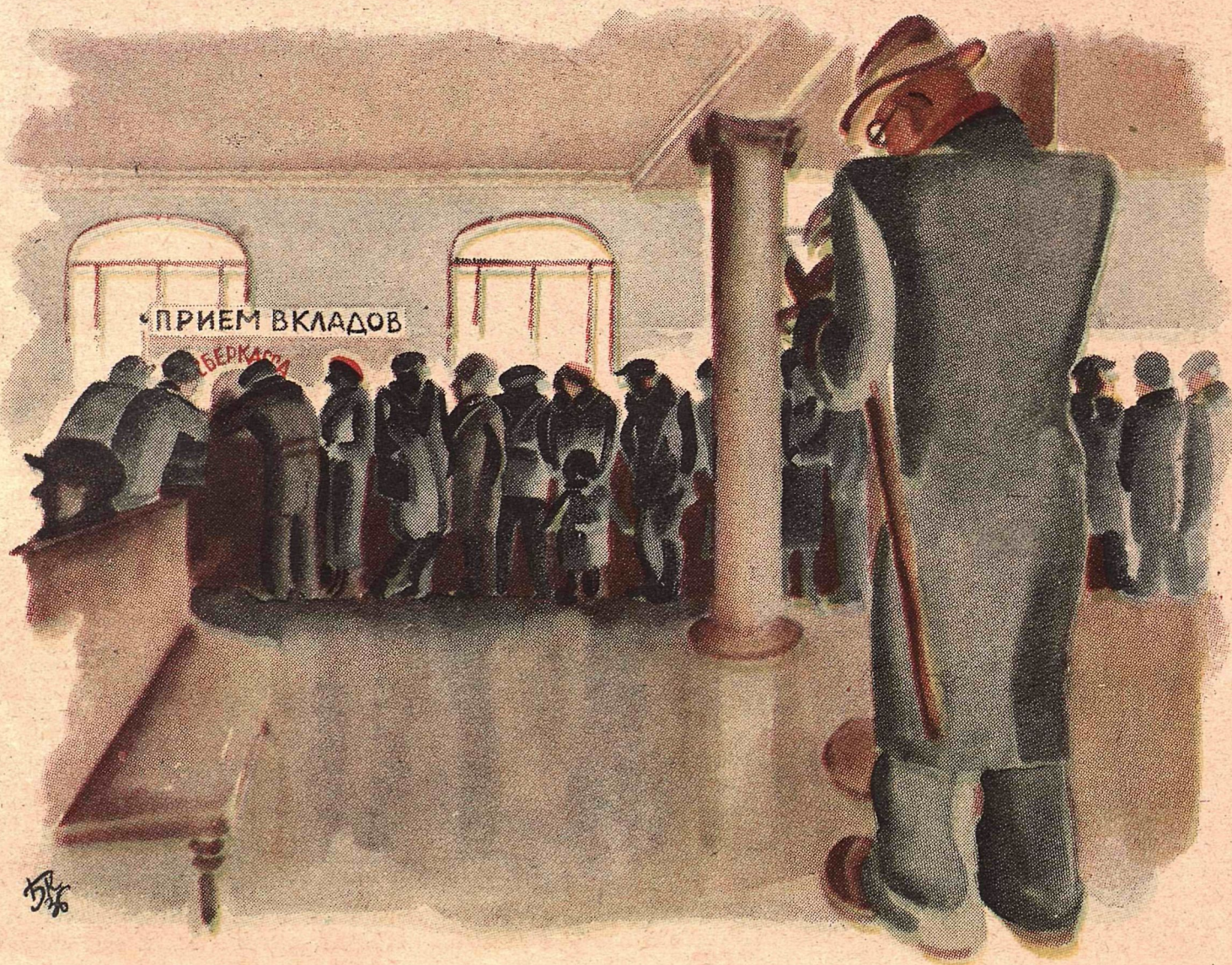
Опубликуй, пожалуйста, этот факт, так как иной меры воздействия на Центрально-эстрадное бюро не придумаешь.

СУРЕН МАРТИРОСОВ

Баку

ПОЙМАЛ С ПОЛИЧНЫМ

Рис. Б. Клинка

ИНОСТРАННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. — И после этого еще смеют утверждать, что в СССР уже нет никаких очередей!

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТИ ПОСОБИЙ...

Рис. А. Толикова

— Тов. учитель, мой сын отвечал на „отлично“, а вы ему поставили „посредственно“.
— А он по учебнику отвечал — откуда же я знаю, правильно это или нет.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РАЗЫСКИВАЕТСЯ СУДЬЯ

Оказывается, что иногда проведению в жизнь основных законов Советской республики мешают совершенно неожиданные обстоятельства.

Так, когда ленинградскому Книгосбыту потребовалось пред'явить иск к оренбургскому Когизу, дело не могло быть рассмотрено по следующей веской причине:

Н. К. Ю.
НАРОДНЫЙ СУД
3-го участка
г. Оренбург.
2/1 1936 г.
№ 2593.

КНИГОСБЫТУ г. Ленинграда.

Нарсуд 3-го участка гор. Оренбурга настоящим сообщает, что дело по иску Вашего к оренбургскому Когизу о вз. 720—18 не рассмотрено за неимением в участке судьи.

п. л.

Секретарь (подпись).

— А судьи кто? — темпераментно и с возмущением спрашивал некогда Чацкий.

Не менее темпераментно и обоснованно спросим и мы оренбургский областной суд:

— А судьи где?

НАУКА НА БЕГУ

О пользе темпов у нас не принято спорить.

Но в области научных достижений с упомянутыми темпами все же надо обращаться осторожнее.

Нельзя, например, подыскать нового Коперника и дать ему полчаса на открытие вращения земли. И Пифагор вряд ли мог бы придумать свою теорему между первой и второй трамвайными остановками.

Несколько иначе смотрят на это дело в Днепропетровском сельскохозяйственном институте, где

дипломантам на защиту дипломной работы дается по 20 минут. Во время этого, весьма непродолжительного срока рецензируется и дипломная работа, достигающая иногда 100—150 страниц.

Повидимому, в таком учебном заведении сдачу дипломной работы путают с передачей эстафеты во время состязаний по бегу. Еще хорошо, что разговаривают с дипломантами, а не сигнализируют им флажками.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ ЛИМИТ ДЛЯ БОЛЕЗНИ

Из распоряжения Хакасской областной промстрахкассы, направленного промартели «Красный труд»:

«... Вам установлена контрольная цифра по временной нетрудоспособности: 103 дня болезни. Означенной контрольной цифры просим строго придерживаться и не выходить из рамок лимитов, данных вам».

ПОПРАВКА.

По недосмотру типографии в части тиража Крокодила № 5 на странице 11 в слове «РАПОРТ» выпали три строки. Это слово следует читать так:

РАПОРТ — обращение к командиру, устное или письменное, но только по делам службы. Так, например, играя с командиром в шахматы, можно, минуя форму рапорта, сказать:

— Тю-тю, ваша ладья-то!

Или:

— А в городен, товарищ командир, мы вам нашвыраем!

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Редколлегия: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-48; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена — 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 181

Сдача текста и рисунков 8/II—36 г.

Подп. к печ. 16/II—36 г.

Статформат 72×105

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—13005.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 308.

Тираж 266 000

М 1544 ✓

50

Генерал-майор
5 - МАР 1936

Всес. Ин. Парат. Получены

3 АПР 1936

СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА

— Вы говорили, господин полковник, что вашему наступлению сначала мешало отсутствие воды, потом—дожди, потом—недостаток амуниции. Теперь, кажется, все это устранено. Что же вам теперь мешает наступать?

— Как что? Абиссинцы!